

«Я предлагаю Вам сделать со мною
небольшую прогулку по весям
нашего социалистического рая,
так сильно смахивающего
на самый доподлинный Дантовский Ад»:
анонимное письмо советского служащего
на имя А. И. Рыкова (январь 1920 г.)

Публикация М. Ю. Крапивина

**Крапивин Михаил
Юрьевич,**
*доктор исторических
наук, профессор,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)*

В настоящее время в распоряжении всех интересующихся историей России XX в. есть достаточное количество опубликованных документов, в том числе нарративных источников¹, позволяющих с большей или меньшей точностью реконструировать жизнь общества и рядовых граждан периода военного коммунизма. Важное место в их ряду занимают воспоминания иностранцев — философа Бертрана Рассела и писателя Герберта Уэллса, побывавших в советской стране в мае – июне и сентябре 1920 г. Их размышления об увиденном, опубликованные в том же году на английском языке, впоследствии были изданы в переводе на русский язык и в нашей стране².

Ниже публикуется еще одно документальное свидетельство, ярко характеризующее советскую повседневность и массовое сознание первых послереволюционных лет. Документы приводятся в соответствии с авторской орфографией, пунктуацией и стилистическими особенностями.

№ 1

Письмо председателя Совнаркома РСФСР и председателя Совета Рабочей и Крестьянской Обороны В. И. Ленина членам ЦК РКП(б) по вопросу о возможности публикации анонимного письма, полученного А. И. Рыковым

от 16 января 1920 г.

Членам ЦК РКП

Прилагаемый документ (полученный Рыковым³ от анонима и переданный мне) — интереснейший «человеческий документ», ибо несомненно правдивый.

И поучительный.

Прошу прочесть и подать письменно мнение: напечатать-ли его листовочкой с моим ответом (я за это) или не печатать.

Если считать, что правда полезна и что доказать возможность вылезть из ямы можно, печатать.

Если считать, что переизмученные люди должны частью дотерпеть до осени, частью вымереть, поверить же в выход неспособны и что говорить об этом есть безнадежное дело (бередить зря раны), тогда не печатать.

Ленин

*Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12565.
Л. 1–1 об.*

Рукописный подлинник, автограф В. И. Ленина, выполненный черными чернилами на типографском бланке Председателя Совета Рабочей и Крестьянской Обороны. Дата на бланке также вписана В. И. Лениным от руки. На Л. 1 об. карандашная приписка: «Оргбюро (в составе 4 чел.) единогласно высказалось против печатания. 16–I–20. Н. Крестинский».

№ 2

Письмо неустановленного автора, подписавшегося «Замученный», полученное председателем Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР А. И. Рыковым

[не позднее 6 января 1920 г.]

Я предлагаю Вам сделать со мною небольшую прогулку по весям нашего социалистического рая, так сильно смахивающего на самый доподлинный Дантовский Ад. Я Вас очень прошу об этом мален[ь]ком одолжении, тем более, что такая прогулка прине[с]ет Вам несо-

мненную пользу[.] Конечно, не очень приятно выбираться из уютных стен Кремля в холод Московских темных улиц и домов, видеть не со[вс]ем веселые картины русской действительности и нарушать свою безмятежную уверенность в достижении цели кричащими диссонансами подлинной жизни. Но это необходимо, а потому я, зная Вашу смелость и решительность, приглашаю Вас за собой. Местом свидания предлагаю Вам свое помещение, вернее логово, хотя оно и не совсем подходящее для такого важного гостя. Начнем с меня и перейдем к более общим вопросам.

Я живу в небольшой, но отапливаемой комнате. Сейчас в ней довольно безотрадно. Ровно пять дней тому назад я похоронил свою шестилетнюю девочку и с того времени живу в одном сплошном кошмаре. В углу на кровати лежит без движения жена, лежит со дня смерти Капочки, и не произносит ни одного слова. Я даже думаю, что она совершенно потеряла способность говорить. Приходящий по вечерам врач только разводит руками и говорит одно и то же: «надо подождать». И вот я жду. Случается, что молчаливая женщина вскакивает с постели и пытается куда-то бежать. Тогда происходит долгая, молчаливая и упорная борьба двух существ, кончающаяся тем, что измученная женщина теряет сознание и я привожу ее в порядок и укладываю, как ребенка. Вы не бойтесь: такие припадки стали редки и Вам не придется помогать мне.

По своему социальному положению я советский сотрудник, т. е. принадлежу к классу т. н. «тарифных идиотов» по меткому выражению одного — желчевика. По службе я получаю 3600 руб. в месяц и жена 2700 руб.[.] а всего 6300 руб. Расходы же мои таковы — 3 фунта хлеба в день, что — составляет — 540 руб., 3 фун. картофеля — 150 руб., 2 фун. капусты — 30 руб.[.] — 2 кр. молока — 240 руб., соли, луку и пр. 50 руб. в день, а всего на день 1010 рублей или 30.000 руб. в мес., не считая квартиры. Спрашивается, откуда добываю я остальные 24.000 руб. До Августа продавал имущество, а с августа занялся спекуляцией по настойчивым разговорам своего жильца, замечательного во всех отношениях человека. Конечно — он — коммунист, т. к., не будучи таковым, совершенно невозможно служить на двух хлебных местах, почти открыто заниматься колоссальной спекуляцией, дающей ему до 300.000 р[у]б. в месяц⁴. Своим спасением я обязан этому по[и]стине гениальному человеку, который видя, что я действительно — погибаю на пайковом хлебе, а главное чахнет и вянет ни в чем неповинный ребенок, довольно круто поступил со мной. Из Наркомпроса перевел меня в свое теплое во всех отношениях учреждение и в самое короткое время так ловко опутал меня, что теперь я весь у него в руках. Зато я выбиваю до 60.000 руб.⁵ в мес.[.] и хотя ребенка я не спас, но себя и жену спасаю. Обзавелся даже новым пальто и калошами.

А теперь мы отправимся в путь и т. к. мы начали с меня, советского сотрудника, то мы и будем продолжать наше путешествие в этой области.

Что такое советские сотрудники. Это те Макары, на которых обычно валятся шишки с дерева жизни, и которые влачат совершенно необъяснимое наукой существование. По утрам,

едва свет, эти странные люди несутся к вокзалам и, поймав мешечника, начинают клянчить и ныть, предлагая за — мерзлый картофель не деньги, которых у них никогда не имеется, а разную дрянь в виде биноклей, ридикюлей и т. п. Все, более ценное они давно уже проели. Если Вы встретите человека, бережно, словно какую ценность, несущего гнилое полено, — знайте, что это советский сотрудник. Он мерзнет в холодной квартире, питается неопикуемой дрянью, продает все, — что можно и чего нельзя продать, и в своем громадном большинстве стремительно катится до положения человека, ниже нуля. Случилось так, что — вся тяжесть уплотнений, реквизиций, конфискации, издевательств, холода и голода, предназначавшихся совершенно не для тех элементов, упала на них и придавила их. На маленьких санках везут они своих покойников на кладбище, болеют без докторов и умирают от недоедания тысячами, и ни одна душа в мире не поинтересуется вопросом — да чем же, чорт возьми, живут эти тарифные идиоты. И Вы меньше всех. А между тем эта громадная изголодавшаяся армия представляет довольно внушительную силу, хотя и не в том смысле, как это требуется для внимательного к себе отношения власти, но все-таки силу. В брошюре Троцкого имеется прямое подтверждение этого положения (см. «Октябр[ь]ская революция[»]⁶). Троцкий совершенно определенно удостоверяет, в каком отчаянном положении очутилась новая власть после переворота вследствие забастовки и саботажа тарифных идиотов. Представьте же себе, что половина их в течении текущей зимы сдохнет от условий своей собачьей жизни, что станет со всеми Вашими учреждениями. Кем замените Вы этих несчастных машинисток с обмороженными пальцами, безчисленных делопроизводителей, конторщиков, счетоводов и т. д. Получается тоже самое, что и при злостном саботаже, т. е. неизбежная гибель Вашей прекрасной Аркадии. А ведь неизбежная смерть, угрожает большинству тарифных идиотов, за то меньшинство, к которому теперь принадлежу и я, как нибудь просуществует. Это меньшинство сплошь занимается спекуляцией в той или иной форме.

В том учреждении, в котором я сейчас работаю и которое является довольно крупным распределительн[ы]м пунктом, спекулируют все, начиная с нашего старшего вахтера и кончая заведующими Отделами. Мы не выносим, «честных» и «благородных», как выражается наш поставщик продовольствия, архи-негодяй и мошенник вахтер, да таковых и нет у нас ни одного человека. Так или иначе, но мы продержимся. Я лично занимаю довольно хлебное место и от спекуляции ордерами перешел к спекуляции денежными знаками. Вам м. б. неизвестно, что царские 500 рублей стоят сейчас 2700 на «собачью шерсть» как называются советские деньги, а более мелкие купюры несколько дешевле. Это наиболее интересная спекуляция, т. к. цены царских денег растут с каждым днем, а за последнее время в эту вакханалию начинает в[т]ягиваться и деревня. И нет такой силы, которая могла бы накрыть нас в нашем милом, теплом и выгодном гнездышке, питающем собою Московский вольный рынок. Человек изобретателен и мы постепенно пришли к такой организации, которая вполне гарантирует нам безопасность.

Не вините нас. Надо же добывать откуданибудь те десятки тысяч, которые нужны нам для спасения наших детей и нас самих. Не на тарифные же ставки существовать нам, совершенно недостаточные даже на один черный хлеб.

Впрочем мы действуем осторожно и не зарываемся. Мы не наживаем состояний, как Ваши другие учреждения, напр. Ваша военная цензура по просмотру частных писем. Там в последнее время придуман очень ловкий — трюк. Коммунисты просматривают письма[,] выбирают среди обывателей таких, которые ждут откуданибудь посылок, запасаются взятыми из писем сведениями и являются к голодным людям в качестве ангелов хранителей, привезших с собою посылку от их знакомых и[з] провинции. Ангелы — встречаются с открытыми объятиями, хотя самая посылка еще не получена[,] а находится недалеко, или на вокзале в вагоне, или в чужой квартире, куда надо еще пойти, а кстати там можно купить и другие продукты по очень сходным ценам. Голодный человек верит всему, да и трудно не поверить, когда вам сообщают самые интимные стороны жизни Ваших знакомых, он берет деньги и летит, куда его ведут, за посылкой и продуктами. А в глухом дворе, на темной лестнице, его встречают другие ангелы и отбирают у него и деньги, и даже собс[т]венное его платье. И обыватель молчит, он никому не жалуется, боясь, что он только ухудшит свое безрадостное положение. Кто их знает — говорит он[,] а м. б. и сама чрезвычайка занимается этими делами, даже не догадываясь, что источник его мучений или почтампт или военная цензура. Я говорю Вам об этом совершенно спокойно[,] зная, что Вам не удастся пресечь этого нового вида грабительства.

Замучены в конце, загнаны в зловонный безвыходный тупик советские сотрудники, дошли до последней ступени человеческого мыслимого падения. Подумайте только о таком ужасе — в квартире лопнула канализация. Взрослые бегают на улицу, а дети, как быть с детьми. И дети испражняются в картонки, в коробки, которые по утрам завертываются во вчерашние Известия с какимнибудь новым журналом и бросаются в глухом переулке по дороге на службу.

Но оставим в покое тарифных идиотов. Посмотрим, как чувствует себя удушенная Вами буржуазия. Неужели Вы серьезно воображаете, что отобранием фабрик и заводов Вы удушили буржуазию. Вы только разорили несколько сотен семейств, совершенно разрушили промышленность, но буржуазии, как таковой, Вы не удушили. Громадное большинство буржуев успело довольно удачно выскочить из переделки, припрятав значительные суммы денег и разного добра, и чувствует себя великолепно. В ноябре я был на вечере у такого буржуя, правда, кроме того еще и спекулянта, и вот Вам красочное меню ужина: закуска — икра зернистая и паюсная, селедка, — омары, кулебяка с двумя формами, салаты двух сортов и водка. Далее — телятина и росбиф по выбору. Трубочки с кремом, пирожное, торты и фрукты. Кофе и сыр. За ужином — водка, коньяк, мадера, белое вино и ликеры. Все это в неограниченном количестве. На ужине присутствовало 8 человек, а самый ужин обошелся

около 100.000 руб. в среднем по 12.000 на человека. Пили за Ваше здоровье и желали Вам долголетнего царствования.

Но независимо от этой уцелевшей буржуазии народилась новая, более жадная с громадным аппетитом и безграничной жестокостью, буржуазия Щедринских Колупаевых⁷. Она открывает новые заводы, сгоняет голодьбу на свои фабрики и измывается над нею, как не измывался ни один заводчик над рабочими. Такие фабрики учреждаются всюду, где есть возможность достать сырой материал. Впрочем, о рождении новых форм деревенского капитализма Вам известно — лучше меня, но Вы рассматриваете это явление, как одно из зол — переходного периода. Ох, уж этот переходный период.

Но идем дальше. Отправимся теперь в гости к середняку, которого Вы попробовали было прищемить и обожглись.

Средняк это нечто ужасное, это отрывка каменного века в XX в. культуры и цивилизации. Он насосался бумажных денег и теперь мечтает о том времени, когда эти бумажные лоскутья дадут ему все, что может представить себе его жадное воображение. Насосавшись, он возненавидел Вас, как самую реальную свою опасность. Он жесток и беспощаден. Можно умирать с голоду на его глазах и он не бросит гнилой картошки даром. Сам он сыт, сыт так, как никогда и боится только одного, как бы в один прекрасный день его бумажки не превратились в пуф. Постепенно он начинает прозревать, что это так и случится и спешит обратить свое добро в более реальные — ценности. Он покупает все, охотнее всего золотые вещи, т. к. их легко спрятать. Он приезжает на Сухаревку и рыщет в поисках золота и серебра, не останавливаясь ни перед какими ценами. После золота он охотно покупает царские деньги и бумаги, совершенно не разб[и]раясь в них. Мой жилец всучил такому середняку выигранных билетов 5 шт. по 15.000 руб., когда цена им копейка. И середняк был — очень доволен и благодарен. Не думайте, что это кулаки. Кулаков теперь нет, или вернее — кулаками стали все. Кулацкая психолог[и]я отравила деревню и превратила ее в осиное гнездо и эти осы когданибудь очень больно укусят Вас. То, что творится в деревне, не поддается никакому описанию. Совершенно ошалелые люди мечутся из стороны в сторону, от накопления одних ценностей к другим, от одного мошенничества к другому, жадные, озверевшие и до отвращения ужасные.

Но довольно о них. Отправимся [д]альше и займемся более любезным Вашему сердцу вопросом — о житье-бытье российского пролетариата. Что такое пролетариат. Если я открою Маркса и Энгельса и там буду искать решения интересующего меня вопроса, то я найду приблизительно такое объяснение. Пролетариат это определенный — класс людей, обладающий совершенно определенными экономическими и психологическими признаками. Перечислять не стану. Наличие этих признаков свидетельствует о неизбежном перемещении сил в сторону социализма, как единственно возможного выхода из создававшегося соотношения между трудом и капиталом. Но когда от книг — я обращаюсь к действительности, то я вижу Петра, Сидора и Ивана, ничего общего не имеющих с теми существами, о которых рассказывается

в книгах. Это живые люди просто двуногие звери с зверинными вожделениями и страстями, хитрые, ленивые и жадные, совершенно бессознательно повторяющие непонятные для них слова и вкладывающие в них свое звериное содержание. Я вижу людей, уходящих с работ на рыбную ловлю или за грибами, людей, сажающих бухгалтера под замок[,] если он опоздал хоть на один день составить ведомость на жалование, ворующих медные части машин и приготавливающих из них зажигалки, привозящих десятки пудов муки и спекулирующих ею, не являющихся по 16–20 дн. на работы, расхищающих табак, медную проволоку, гвозди, мануфактуру, обувь — все, что можно похитить, взламывающих вагоны с грузами и т. д. и т. д. до бесконечности. Все это факты и Вы не можете отрицать их, если только Ваши министры правильно докладывают Вам о реальной действительности. Я вижу Сидора, Петра и Ивана, которые ни с какой стороны не подходят к тому явлению, которое описывается в книгах, как неперемное условие наступления действительного социалистического строя. И я прихожу к непрекаемому убеждению, что нужно обладать особой фанатической верой, обсолютной слепотой, преднамеренной или поталогической, чтобы в Сидоре, Петре и Иване найти необходимые для социализма предпосылки. Нужна вера в возможность быстрого перерождения человека, т. е. вера в чудо, но — тогда что же останется от строгой научности доктрины.

Можно мертвое лицо покрыть румянами и уверять, что оно живое, но живым оно от этого все таки не станет.

Три элемента требуются для нормальной жизни всякого человека, всякого общества: здоровая воля, здоровый разум, здоровое чувство. Я обращаюсь к действительности и не нахожу ни одного. Воля направлена к ничегонделанию, разум бездействует, а чувство отравлено злобой, жа[д]ностью и спекуляцией. И эти [П]етры, Сидоры и Иваны на[помин]ают мне тех ужасных обитателей острова Моро, которых так гениально описал Уэльс в своем известном романе «Остров докторо Моро» [.] Таких людей можно заставить повторять, что угодно, но нельзя одного: заставить их превратиться в людей. На своих собраниях они могут с энтузиазмом повторять заученные ими фразы, но в своих норах они становятся тем, что они в действительности представляют — животными. Вера вещь хорошая, но не в политике, в религии.

Закончим нашу прогулку. Она надоела мне. Обратимся к выводам или к тем тезис[а]м, которые можно вывести из обозрения русской действительности.

1) Русский народ без различия классов, пола и возраста разврращен до последней степени. Все дикое и звериное выперло наружу и закружилось в бешеной пляске.

2) Страна разорена без надежды на спасение собственными силами, которых у нас нет. Если она и продолжает кое-как существовать[,] то только старыми запасами. Нового не произведено ничего и надежд на восстановление производительности никаких. Если что и может до некоторой степени улучшить наше положение, то только частное производство, возникающее повсеместно и принимающее громадные размеры по своим оборотам. Несмотря на все

чрезвычайные меры борьбы с частной инициативой, частный рынок работает все же лучше Вашего — социалистического. Вы сами признали это, запретив Вашим учреждениям обращаться к услугам частного рынка, т. е. узаконив спекуляцию.

3) Ваш рубль превратился в десятую, если не сотую часть прежней копейки и недалеко то время, когда он станет нулем.

4) Власть, не взирая на всю колоссальную эволюцию от социализма к реформизму не может сделать ровно ничего, кроме издания смешных декретов и приказов. Власть начала с громкого объявления принципа «защиты отечества» буржуазным прерасудком, а кончила восстановление[м] армии с железной дисциплиной, орденами, знаменами и пр. символикой буржуазии. Она начала с объявления всех советских работников равноправными, а кончила премиальной системой, выделением — специалистов с повышенной оплатой. Начала с гордого объявления — войны империалистам всего мира, а кончила всеподданнейшими ходатайствами перед Антантой (II раз) с принятием всех условий, в плоть до отдачи страны на поток и разграбление. Но и здесь неудача. Обращение власти возвращается почти не распечатанными. Национализация земли вылилась в фактическом признании единоличного права собственности, а насаждение крупных советских хозяйств простой фарс. Пролетариат — полный хозяин — все тот же наемный Сидор, Петр и Иван, интересующийся прежде всего заработной платой и пайком, а не соображением хозяина.

5) Самая власть ничем не отличается от подданных. Ложь, передержка, подкуп, интрига — все это обычные явления. Миллиарды, истраченные на подкуп Шведской, Французской, Американской прессы, на поддержку революции Венгрии (и как же хорошо надул Вас Бела Кун⁸), спартаковцев⁹, Садула¹⁰ и проч. и проч. [В]се это факты, подлежащие в — свое время опубликованию. А интриги Ваших министров, разве это имеет что нибудь общего с социалистически[м], хотя и переходны[м], строем.

6) Полная усталость [и] апатия населения, живущие только одним вопросом голодного желудка. С таким населением можно производить какие угодно эксперименты и потом на весь мир кричать о любви народа к советской власти. Когда нибудь Вы увидите эту любовь на деле. Пусть только откроются границы и Вы будете поражены почти поголовным бегством. Все сильное, все имеющее хотя бы малейшую возможность найти применение своим силам, бросится немедленно в расс[ы]пную и Вы будете иметь полное основание сказать тогда, с Вами остались только коммунисты. Никогда не изуч[али]сь с такой с энергией иностранные языки, особенно английский, и все для того, — чтобы бежать без оглядки из зачумленной страны, ибо горше этой — треклятой жизни не может быть ничего в мире. Мы прекрасно сознаем, что хаос долго будет основной темой нашего существования, что существующее унижение сменяется новыми и выход один — бежать. Как только вопрос примут ли нас где нибудь, дадут ли нам право быть хотя-бы чистильщиками сапог, носильщиками, чем угодно.

И тогда мы разнесем по всему миру такой незабываемый ужас, который не имел равного и который заставить людей призадуматься — да точно ли возможно всеобщее братство и н[е] такая ли это фантазия, как учение Заратустры, Будды и Христа.

Замученный

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 2. Д. 234. Л. 1–3.

Подлинник [?]. Машинопись с незначительной рукописной правкой. Рукописные делопроизводственные пометы: 1) «вх. № 758. <...> 6/1-920 г.»; 2) «[От] В. И. Ленина». На Л. 3, после текста письма, приведены (скорее всего, рукою Н. Крестинского¹¹) итоги голосования в Оргбюро ЦК РКП(б) по вопросу о публикации письма: «Не печатать» и далее подписавшие автографы Л. Каменева¹², Ф. Дзержинского¹³ и Х. Раковского¹⁴. К тексту приложен типографский бланк Председателя Совета Народных Комиссаров, на котором рукою В. И. Ленина написано: «Письмо “замученного” (ответить)» (Л. 4).

¹ Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998; Письма во власть. 1917–1927 гг.: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998; *Лившин А., Орлов И.* Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002; *Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е годы: В 3 т. Т. 1: 1917 – середина 30-х гг. М.; Нижний Новгород; Париж, 2002; и др.*

² *Рассел Б.* Практика и теория большевизма (1920) / Пер. с англ. М., 1991; *Уэллс Г. Дж.* Россия во мгле (1920) / Пер. с англ. Харьков, 1922 (Переиздания: М., 1958, 1959, 1970 и др.); *Пять nota bene: Пометки Ленина на книге Герберта Уэллса.* М., 1970.

³ *Рыков А. И.* (1881–1938). На январь 1920 г.: председатель Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР, член Реввоенсовета Республики, чрезвычайный уполномоченный Совета Труда и Оборона по снабжению Красной Армии и Флота.

⁴ Подробнее о деньгах см.: *Ходяков М. В.* Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., 2009.

⁵ Читается неуверенно (первая буква перебивалась), возможно, 50.000.

⁶ *Троцкий Л. Д.* Октябрьская революция. М.; Пг., 1918. (Б-ка обществоведения. Кн. 54).

⁷ Речь идет о персонаже произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина «Убежище Монрепо» (1878–1879 гг.).

⁸ *Бела Кун* (1886–1938). Венгерский социал-демократ. Во время Первой мировой войны был призван в австро-венгерскую армию и попал в русский плен. После Февраля 1917 г. вступил в ряды РСДРП(б). Вернулся в Будапешт в ноябре 1918 г., уже после падения Австро-Венгерской империи. Здесь он инициировал создание Партии коммунистов Венгрии и сам же возглавил ее Центральный Комитет. Добился объединения коммунистов и социал-демократов (март 1919 г.). Вновь созданная Социалистическая партия немедленно провозгласила образование Венгерской советской республики, второго после РСФСР европейского государства с леворадикальным правительством. Хотя сам Бела Кун занял только пост комиссара иностранных дел (позже стал членом коллегии Наркомвонена), именно он был фактическим руководителем страны. В Венгерской советской республике по примеру России были начаты кардинальные преобразования. Однако вскоре на помощь внутренним противникам венгерских революционеров пришли чехословацкие и румынские войска. Кун попытался было заключить мирное соглашение с Антантой, но неудачно. Большевики, чьи силы были скованы действиями Колчака и Деникина, не смогли оказать воен-

ного содействия Бела Куно. Венгерская советская республика пала 1 августа 1919 г. после 133 дней существования. Бела Кун бежал в Австрию, был интернирован, позднее вернулся на территорию РСФСР.

⁹ «Союз Спартака» (первоначальное наименование — группа «Интернационал») — марксистская организация в Германии начала XX в. Созданная в августе 1914 г. (в качестве оппозиционного формирования внутри Социал-демократической партии Германии) группа выступала против поддержанной СДПГ политики гражданского мира и призвала к международной солидарности рабочих на антивоенной платформе. В апреле 1917 г. группа вошла (сохраняя автономный статус) в состав отделившейся от СДПГ Независимой социал-демократической партии Германии. В ходе Ноябрьской революции 1918 г. группа официально приняла самоназвание «Союз Спартака» (объявив себя самостоятельной политической организацией), провозгласила лозунг «Вся власть Советам!» и призвала к передаче ключевых отраслей промышленности народу. В канун 1919 г. «Союз Спартака» вместе с другими лево-радикалами объединились в Коммунистическую партию Германии.

¹⁰ Жак Садуль (1881–1956). Капитан французской армии, служил в военном министерстве. В сентябре 1917 г. был назначен атташе при французской военной миссии в Петрограде. Сблизился с большевиками, вступил в РСДРП(б). Во время гражданской войны выполнял различные поручения советского правительства, в частности, поддерживал связь с революционными элементами в составе французского воинского контингента на территории оккупированной Одессы. Принимал участие в работе I и II конгрессов Коминтерна, некоторое время был членом Исполкома Коминтерна.

¹¹ Крестинский Н. Н. (1883–1938). На январь 1920 г.: член Политбюро и Оргбюро ЦК, секретарь ЦК РКП(б), народный комиссар финансов РСФСР.

¹² Каменев (Розенфельд) Л. Б. (1883–1936). На январь 1920 г.: член Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б), председатель Моссовета.

¹³ Дзержинский Ф. Э. (1877–1926). На январь 1920 г.: председатель ВЧК (по совместительству начальник Особого Отдела ВЧК), нарком внутренних дел РСФСР, член Оргбюро ЦК РКП(б).

¹⁴ Раковский Х. Г. (1873–1941). На январь 1920 г.: член Оргбюро ЦК РКП(б), председатель Совнаркома Украины.

Крапивин М. Ю. «Я предлагаю Вам сделать со мною небольшую прогулку по весям нашего социалистического рая, так сильно смахивающего на самый доподлинный Дантовский Ад»: анонимное письмо советского служащего на имя А. И. Рыкова (январь 1920 г.) // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 157–167.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); mihailkrapivin61@yandex.ru

An Anonymous Letter of a Soviet Civil Servant to A. I. Rykov

A publication by M. Y. Krapivin

AUTHOR: Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); mihailkrapivin61@yandex.ru

REFERENCES:

- ¹ *Golos naroda: Pisma i otkliki riadovykh sovetskikh grazhdan o sobytiiah 1918–1932 gg.* (Moscow, 1998).
- ² *Pisma vo vlast. 1917–1927 gg.: Zaiavleniia, zhaloby, donosy, pisma v gosudarstvennye struktury i bolshevistskim vozhdiam* (Moscow, 1998).
- ³ Livshin A., Orlov I. *Vlast i obshchestvo: dialog v pismakh* (Moscow, 2002).
- ⁴ *Obshchestvo i vlast. Rossiiskaia provintciia. 1917–1980-e gody: 3 volumes. Vol. 1: 1917 – seredina 30-kh gg.* (Moscow - Nizhniy Novgorod - Paris, 2002).
- ⁵ Russell B. *Praktika i teoriia bolshevizma* (Moscow, 1991).
- ⁶ Wells H. G. *Rossiia vo mgle* (Kharkov, 1922; Moscow, 1958, 1959, 1970 and other editions).
- ⁷ *Piat nota bene: Pometki Lenina na knige Gerberta Uellsa* (Moscow, 1970).
- ⁸ Khodiakov M. V. *Dengi revoliutcii i Grazhdanskoi voiny: denezhnoe obrashchenie v Rossii. 1917–1920 gg.* (St. Petersburg, 2009).
- ⁹ Trotskiy L. D. *Oktiabrskaiia revoliutciia* (Moscow - Petrograd, 1918).